В. В. Наумкин[1]

БРИКС И АРАБСКИЙ МИР

Не претендуя на то, чтобы представить здесь теоретически хорошо обоснованное освещение этой темы, хочу лишь выделить несколько линий, по которым могут выстраиваться и уже выстраиваются отношения БРИКС с арабским миром. А они необходимы с учетом растущего веса этого региона для формирования успешно работающей глобальной платформы экономического и культурно-цивилизационного взаимодействия стран Глобального Юга (далее — ГЮ), о чем у нас и пойдет речь.

Первая линия: через процесс освоения арабскими государствами (далее — АГ), вошедшими в это объединение (будем для удобства называть его пока этим нейтральным словом), экономических возможностей членства в нем, включая участие в различного рода интеграционных проектах. Можно с уверенностью предполагать, что вступление в БРИКС с началом 2024 года таких располагающих большими экономическими возможностями, ресурсами, развитой базой и опытом АГ, как Египет, ОАЭ и Саудовская Аравия, будет способствовать эволюции самого БРИКС в углублении сотрудничества между АГ, а также в объединении их усилий по развитию коллективного взаимодействия со странами, не входящими в него. Это в первую очередь государства ГЮ, заинтересованные в развитии сотрудничества с ними, а также настроенные на вступление в БРИКС в дальнейшей перспективе. В рамках этого процесса будут, очевидно, преодолеваться последствия ограничений и рестрикций, связанных с санкциями государств коллективного Запада против отдельных государств — членов объединения, притом что членство в БРИКС не предполагает нарушение взятых на себя АГ международных обязательств. Некоторые коллективные проекты, в том числе в сфере инвестиционной деятельности, рассматриваются в докладах ряда участников Чтений. Замечу, что примером АГ, статус которого определяется как *нейтральный с дружескими признаками* и которое не присоединилось к американским и европейским санкциям против России, продолжив партнерство с ней, являются ОАЭ.

Вторая линия: через использование возможностей БРИКС для нормализации и развития отношений между АГ — членами объединения, с одной стороны, и конфликтующими с ними другими государствами — членами БРИКС или же не входящими в него — с другой. Многое в сфере урегулирования конфликтов и преодоления конфликтности уже было сделано даже до вступления АГ в БРИКС, но по некоторым направлениям им предстоит как наращивать усилия с использованием новых, недавно открывшихся возможностей, так и где-то только начинать их. Следует сказать и о том, что членство в БРИКС может способствовать и предотвращению перехода существующих разногласий в экономической, политической и культурно-цивилизационной сферах в конфликты, нахождению необходимых развязок. В этом контексте можно упомянуть, к примеру, о соответствующих процессах в саудовско-иранских отношениях, инициированных и поддержанных КНР, хотя в целом в отношениях между Ираном и арабскими государствами Персидского залива еще существуют проблемы. Так или иначе, потенциал БРИКС в этой сфере может быть востребован.

Третья линия: через использование возможностей БРИКС для достижения уверенности и облегчения балансирования в отношениях с такими глобальными партнерами, как одновременно США (для ОАЭ они в значительной мере выступают гарантом безопасности, не говоря уже о роли в торговле и инвестициях) и Россия с Китаем, и снижения зависимости от первых.

Четвертая линия: через оптимизацию приоритетов в сотрудничестве с отдельными государствами БРИКС на двустороннем треке, в том числе с другими новыми партнерами, для достижения наибольшей выгоды от реализуемых проектов. Рассмотрение в качестве примера отношений ОАЭ как нового члена объединения и Индии как «старого» его члена дает возможность продемонстрировать, насколько успешно преодолевается асимметрия их интересов и возможностей. Но прежде чем перейти к этой части моего доклада, затрону несколько общих вопросов. Отмечу, например, что если в области ценностей между государствами-членами не существует сколь-либо серьезных разногласий, то в области политики уровень разобщенности может достигать весьма высокого уровня. Об этом свидетельствует, в частности, голосование их представителей на Генеральной Ассамблее ООН (детальное рассмотрение этого вопроса не входит в мои задачи).

А среди перспективных сфер сотрудничества между ОАЭ и другими государствами в рамках БРИКС обычно называют рынок строительства и недвижимости (несмотря на отдельные элементы перегрева). Вхождение в объединение расширяет горизонты инвестиционных проектов и способствует их обновлению.

Что же касается интенсивного развития отношений между Индией и ОАЭ, то оно началось около 10 лет

[1] Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 600 научных публикаций, в т. ч. монографий: «История Востока», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Ближний Восток в мировой политике и культуре», «Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее», «Ближневосточный конфликт», «Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010 гг.)», «Конфликты и войны XXI века: Ближний Восток и Северная Африка» (в соавт.), «Ближний Восток в поисках политического будущего» (в соавт.) и др. Главный редактор журналов «Восток (Oriens)», «Россия и мир: научный диалог», «Цифровое востоковедение», «Восточная аналитика». Председатель редсоветов журналов «Восточный архив», «Эпиграфика Востока». Член научных советов при министре иностранных дел РФ, при Совете безопасности РФ, Международного дискуссионного клуба «Валдай» и др. Награжден орденами Александра Невского, Дружбы, «Дуслык» (Татарстан), Славы (Мордовия), Почета (Совета муфтиев России), Национальным орденом кедра (Ливан), золотым орденом «За заслуги» (Палестина) и др. Лауреат Государственной премии РФ, премии Правительства РФ им. Петра Великого, премии С. Ф. Ольденбурга РАН, Золотой медали АН Республики Татарстан, Международной премии клуба «Валдай», премии им. В. В. Посувалюка МИД РФ и ТАСС и др.

назад с момента прихода на пост премьер-министра страны Нарендры Моди. В 2015 году он стал первым главой правительства Индии за 34 года, посетившим ОАЭ (до этого в 1981 г. страну с официальным визитом посещала Индира Ганди). В 2015 году отношения между Нью-Дели и Абу-Даби были повышены до уровня *стратегического партнерства*, и с той поры ОАЭ стали одной из самых часто посещаемых Моди стран — он совершил туда уже 7 визитов (больше только в США — 8). Последний визит Моди в ОАЭ состоялся совсем недавно — 13–14 февраля 2024 года.

Мои коллеги, изучающие вопросы сотрудничества государств АГ, вступивших в БРИКС в начале этого года, с основателями этого объединения, обычно акцентируют внимание на том, что приданный им статус стратегического партнерства был подкреплен рядом договоренностей, среди которых одним из значимых является Соглашение о всеобъемлющем экономическом партнерстве (CEPA), подписанное в 2022 году. В соответствии с этим соглашением обе страны согласились на отмену более 95 % импортных пошлин, что привело к значительному росту двусторонней торговли, которая в 2023 году достигла объема в 85 млрд долларов. При этом ОАЭ поддержала взятый объединением курс на дедолларизацию торговли, в чем важное место заняла торговля с Индией, с которой в 2023 году было подписано Соглашение о системе расчетов в местной валюте (LCS). Уже в декабре 2023 года Индия подтвердила, что осуществила первый в истории платеж в рупиях за поступившую из ОАЭ нефть.

Две страны, стремясь к диверсификации торговых и иных связей, что выпукло характеризует их позицию, не ограничились рамками БРИКС и еще до этого пошли, в частности, на вступление в другое объединение, а именно I2U2 (Индия, Израиль, ОАЭ, США), о чем было объявлено в ходе встречи министров иностранных дел четырех стран в октябре 2021 года. Целью группы было названо поощрение инвестиций в таких областях, как энергетика, транспорт, космос, здравоохранение и продовольственная безопасность. Несмотря на многосторонность объединения, I2U2 в зарубежных СМИ часто именовали «ближневосточным QUAD». По какой-то причине это событие не имело столь большого информационного резонанса, как в случае с БРИКС. Так, проект I2U2 даже не был упомянут в ходе последнего визита Моди в ОАЭ. Кстати, в рамках визита индийского премьера был заключен двусторонний инвестиционный договор, который, как ожидается, увеличит поток инвестиций из ОАЭ в Индию. Теперь Абу-Даби становится четвертым по величине источником прямых иностранных инвестиций в индийскую экономику, и организаторы БРИКС могут записать это в число достижений объединения.

Добавлю к этому, что во время визита было подписано еще и межправительственное рамочное соглашение, касающееся запущенного на саммите G20 в Нью-Дели в сентябре 2023 года экономического коридора Индия–Ближний Восток–Европа. Эта межрегиональная инициатива направлена на интеграцию торговых путей из Индии в Европу через ОАЭ, Саудовскую Аравию, Иорданию и Израиль с целью обеспечения более быстрого транзита товаров.

Но это соглашение в определенной мере представляет вызов для БРИКС и рассматривается аналитиками как альтернатива китайскому проекту «Один пояс — один путь». Тем не менее стоит отметить, что заявление индийского министерства иностранных дел, сделанное по итогам визита премьер-министра, содержит незначительные детали относительно конкретных договоренностей, а также не упоминает другие страны — участницы проекта. Сам проект пока находится на начальной стадии проработки, а конфликт на Ближнем Востоке, скорее всего, помешает его реализации.

Общую картину улучшает осуществление мер по развитию военного взаимодействия Нью-Дели и Абу-Даби, в первую очередь в области морской безопасности в Индийском океане. Особую важность эта область приобретает на фоне ухудшения ситуации в регионе в контексте продолжающейся войны в секторе Газа, нападения хуситов на торговые суда в Красном море и потенциального разрастания конфликта на другие части Ближнего Востока. Мои коллеги — эксперты в области экономики отмечают, что вытекающие из этого более длительные сроки доставки энергоресурсов, более высокие затраты на фрахт судов и возможный рост цен на нефть могут представлять значительный риск для экономического роста в Индии. Поэтому для страны важно координировать деятельность с ключевыми региональными игроками, такими как ОАЭ, чтобы обеспечить защиту своих интересов.

Для иллюстрации диверсифицированного подхода двух партнеров к военному сотрудничеству можно указать на проведенные 23–24 января 2024 года совместные учения ВВС Индии, Франции и ОАЭ в Аравийском море под кодовым названием «Песчаный рыцарь», после которых между Нью-Дели и Парижем была достигнута договоренность об активизации военно-морского сотрудничества в юго-западной части Индийского океана.

При анализе эмиратско-индийского сотрудничества нельзя не принимать во внимание тот факт, что 3,5-миллионная индийская диаспора составляет почти 40 % всего населения ОАЭ, а денежные переводы, отправленные ее представителями в Индию, в 2023 году превысили 20 млрд долларов.

Эмиратские дипломаты играют важную посредническую роль в урегулировании споров, в которые вовлечены некоторые новые члены БРИКС. Еще в 2018 году, до вступления в объединение и самих ОАЭ, и Эфиопии, они способствовали урегулированию разногласий между последней и Эритреей. А 1 января 2024 года Эфиопия и Сомалиленд подписали соглашение, предоставляющее Аддис-Абебе доступ к Красному морю, в ответ на признание Эфиопией независимости Сомалиленда. Официально объявлено, что соглашение «укрепит безопасность, экономическое и политическое партнерство между странами». В складывающейся ситуации эксперты указывают на важность формирующихся условий для дальнейшего усиления роли Абу-Даби в странах Африканского Рога,

учитывая исключительные отношения ОАЭ с Сомалилендом и начавшие теперь укрепляться связи Сомалиленда с Эфиопией.

Рассмотренный материал позволяет судить об огромном потенциале развития, которым обладает БРИКС, и тех преимуществах, которые получили от его укрепления и расширения состава государства ГЮ, и в частности страны арабского мира. Предоставляя своим членам возможность проведения суверенной, независимой политики, объединение увеличивает привлекательность членства в БРИКС и способствует экономическому росту и сохранению самобытности и культурно-цивилизационной идентичности входящих в него государств.